

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

**На войну. От Петербурга до
Порт-Артура**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
На войну. От Петербурга до Порт-Артура / Немирович-Данченко Василий
Иванович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 170 с.

ISBN 978-5-519-99080-6

ISBN 978-5-519-99080-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Какая это была ночь! Нѣжная, мечтательная. Вся повитая серебристою дымкой, задумалась она надъ счастливымъ краемъ, уже позабывшимъ далекія кровавыя были. Мы выѣхали изъ Габрова вечеромъ. Долго въ мистическомъ молчаніи мы слышали его красивую Янтру. Она будто спѣшила догнать насъ, чтобы рассказать милую старую сказку. Но не до нея намъ было. Мы торопились на свиданіе съ тѣми, кого уже нѣтъ въ живыхъ, кто четверть вѣка назадъ, мученически выручая чужія ошибки, безропотно легъ въ святыя братскія могилы. Скоро и Янтра замолкла. Луна свѣтила ярко, шоссе на Шипкинскія высоты развернулось широкою бѣлою лентой, перекинулось черезъ первую высоту и утонуло въ „Райской долинѣ“. Какъ все, что здѣсь случилось, свѣжо, ясно, выпукло въ памяти. Точно вчера было, и мимо насъ на строгія Балканскія вершины только что прошли доблестные орловцы, брянцы, восторженно пронеслись умирать за свободу своей страдальческой родины болгарскія дружины... Какъ по всему этому простору гремѣли залпы!.. На каждомъ шагу, питая жадную, засохшую подъ горячимъ солнцемъ землю, лилась кровь... Со всѣхъ этихъ горъ, что въ сторонѣ тонутъ въ волшебномъ голубомъ свѣтѣ, изъ незамѣтныхъ редутовъ и батарей громыхали дальнобойныя орудія и съ

зловѣщимъ визгомъ, стальными бичами разсѣкая воздухъ, неслись сюда гранаты и шрапнели... Вонъ остатки рвовъ, гдѣ наши въ страшные августовскіе дни, одинъ противъ двадцати, невидные армейскіе солдаты (имена же ихъ Ты, Господи, вѣси!) защищали отъ лучшихъ боевыхъ таборовъ Турціи подступы къ мирной и притавившейся придунайской Болгаріи. Какимъ страшнымъ вымысломъ кажется эта—теперь такая далекая война. Тогда въ ея угарѣ, шумѣ и блескѣ многое стусhevывалось, не замѣчалось, и только когда самая буря утихла и ея молніями разрѣшавшіяся громовыя тучи ушли, какъ намъ казалось, навсегда,—изъ-подъ безмолвныхъ кургановъ зазвучало вѣчнымъ укоромъ: „за что, за что!“ Боевыя легенды полиняли, театральныя декораціи обветшали, и дѣйствительность, полная ужаса, встала передъ нами во всей своей наготѣ.

II.

Какое это было время!

Съ какимъ легкимъ сердцемъ мы начинали эту войну—за счастье родственныхъ племенъ, за ихъ свободу! Даль казалась залитою радостнымъ свѣтомъ, подвигъ являлся легкимъ и желаннымъ. Тѣ, которые говорятъ, что общество и народъ оставались тогда равнодушны, должно-быть, очень коротки памятью. Даже неприглядная правда добровольческой эпопеи въ Сербіи никого не отрезвила и не заставила задуматься и оглянуться: готовы ли мы, знаемъ ли своего противника. Одни, по старой памяти, мечтали о крестѣ надъ св. Софіей или, по меньшей мѣрѣ, объ Олеговомъ щитѣ на вратахъ Византіи; другіе видѣли въ грозной войнѣ естественное продолженіе великодушныхъ реформъ, прямое наслѣдіе шестидесятихъ годовъ. Кончимъ, вернемся,—и какъ хорошо будетъ дома, какое солнце добра, любви и правды встанетъ надъ всею русскою землею. Мы были благородны и щедры, хотя и... за чужой счетъ. Насъ корили бѣдностью, собственными нашими голодов-

ками, неустройствомъ, незаконченностью,—мы на все отвѣчали: ведетъ за собою міръ тотъ, кто несетъ крестъ; давъ другому великія блага, мы и сами не можемъ остаться въ томъ положеніи, въ какомъ насъ застала война. Это законъ справедливости! Точно исторія—зловѣщая, мрачная и слѣпая раба силы—знаетъ такіе законы!.. Благородный испанскій гидальго, выѣзжавшій на своемъ тощемъ Россинантѣ совершать великіе подвиги въ защиту слабыхъ и сирыхъ, едва ли былъ такъ свято и восторженно настроенъ... Когда я оглядываюсь за двадцать семь лѣтъ назадъ,—какою теплою, яркою весною вѣетъ оттуда; радостью, великодушіемъ, вѣрою въ себя и свои силы и главное—молодостью, молодостью, молодостью!.. Ей все прощительно, она все любитъ, потому что ея будущее утопаетъ въ розовыхъ горизонтахъ, въ поэтическихъ миражахъ. Она идетъ, не спрашиваясь и не спрашиваясь, и потому часто творитъ великое. Древніе побѣду изображали молодою, и они тысячу разъ правы. Мрачный геній Беклина придалъ ей рыжую бороду, зловѣщія насупленные брови и горящіе зрѣлою и подлою жадностью глаза... Можетъ-быть, онъ и правъ. Это была побѣда его народа, но не наша молодая, счастливая, великодушная.

III.

Сѣрая, будничная дѣйствительность выступила потомъ. Мы многое испортили, большую часть не окончили и относительно самихъ себя оказались великими фантазерами... Крестовоносецъ, вернувшійся домой, занялъ то же самое мѣсто въ дымной лачугѣ подъ стѣнами гордаго и грознаго феодальнаго замка. Къ громадному народному дѣлу, какъ это бываетъ всегда, вмѣстѣ съ лучшими людьми страны, ея цвѣтомъ и гордостью, присоединилась всякая накипь, сумѣвшая очень быстро испортить все, во что мы такъ свято и восторженно вѣрили... „Исторія“ еще

разъ доказала, что законы справедливости не про нее писаны, но въ прошлое лѣто, когда мы, по пути въ Адріанополь, поднимались на Шипку, синяя ли ночь, сглаживающая всѣ недочеты дня, опять обманула насъ,—только мы вновь чувствовали себя и молодыми и сильными. Позади и впереди была страна, вся созданная нами. Цѣною нашей крови мы, обобравъ себя дотла, обманувшись въ мечтѣ и порывѣ, дали ей и независимость и свободу, и—въ видѣ оставленныхъ тамъ милліоновъ—хорошее приданое этой пышно снаряженной нами балканской певѣстѣ... Когда мы взѣхали на вершину св. Николая, и подъ нами въ вѣнчальной фатѣ луннаго мерцанія, въ ароматѣ своихъ цвѣтовъ, объята сильными и несокрушимыми руками Малыхъ и Большихъ Балканъ, показалась знаменитая долина Розъ, мой спутникъ, дравшійся и раненый здѣсь когда-то, заплакалъ.

— Знаете,—обратился онъ ко мнѣ,—можетъ-быть, мы и ошибались, можетъ-быть, все это другіе сдѣлали бы и умнѣе, и рѣшительнѣе, и... дешевле, но я не знаю, чѣмъ намъ дороже наша молодость—ея ошибками или ея страннымъ благоразуміемъ... Мы все-таки шли сюда умирать за чужую свободу, за чужое счастье, и если обманулись въ ожидавшейся расплатѣ, то только потому, что были всѣ хорошими юношами и очень плохими бухгалтерами...

IV.

Какъ въ эту тихую, милую ночь казалась далека новая война, какимъ безобразнымъ вымысломъ явилась бы она намъ,—угадай мы ее въ дымкѣ близкаго, такого страшно-близкаго будущаго! Я помню, какъ съ „трезвымъ“ убѣжденіемъ, что намъ удастся избѣжать новыхъ испытаній, мы перебрасывались подъ мелкій топотъ нашихъ коней и шорохъ камня, падаваго изъ-подъ ихъ копытъ, шутками въ родѣ того, что мы де теперь старые воробыи и на мякинѣ насъ не проведешь, но—увы! —воробыи, дѣйстви-

тельно, постарѣли, хотя мякина не потеряла для нихъ своей привлекательности! Выросла красивая, не лишенная мистической прелести легенда о желтой опасности и завоеваніи міра пробужденнымъ Китаемъ, предводимымъ Японіей, какъ киргизъ водить верблюда, обрывая въ кровь желѣзнымъ кольцомъ его ноздри. Опасность мерещилась такою далекою, что отъ нея отчураться всегда де будетъ время. Что въ этомъ отношеніи знаетъ русскій человѣкъ, часто изъ иностранныхъ источниковъ черпающій вѣсти о самыхъ близкихъ и дорогихъ ему предметахъ?.. Опека смѣшна и безсильна только въ „Севильскомъ цырюльникѣ“, въ дѣйствительности доны Бартоло играютъ гораздо болѣе видныя и крупныя роли, и бѣдная Розина обыкновенно платится за не ея разбитыя тарелки. Мы со своимъ спутникомъ ушли съ головой въ воспоминанія. Изъ далекихъ и безчисленныхъ могилъ, къ которымъ и тропинокъ некому протоптать, вставали дорогіе и милые люди. Не всѣ же Скобелевы и Радецкіе. Народъ помнитъ только вождей. Остальное для него фонъ или суздальская живопись, гдѣ подъ брюхомъ фельдмаршальскаго коня проходятъ всѣ на одно лицо мелкіе солдатики, не безпокая громаднаго буцефала даже остреемъ своихъ штыковъ.

— А все-таки, какое счастье сознать,—говорилъ я,— что хоть на нашей памяти не повторится этого великаго горя. Мы не увидимъ этого стихійнаго торжества смерти. Люди съ каждымъ годомъ все дальше и дальше становятся отъ боевой легенды. Нашему времени важны только культурныя завоеванія и трудъ... Въ народное сознаніе все глубже и глубже проникаетъ программа гаагской конференціи.

Какое счастье!..

И дѣйствительно, счастье было кругомъ...

Еще не разсвѣло, а уже подъ нами заколыхались пышныя райны казанлыкскихъ рощъ, розы посылали намъ благоуханное „здравствуй“. Ручьи въ перегонку заигрывали съ нами, и на поблѣднѣвшемъ небѣ, гдѣ погасли яркія южныя звѣзды, огнистыми кострами загорались вершины суровыхъ горъ...

V.

Какъ несхоже то, что мы переживали тогда, съ сегодняшними настроеніями... Теперь, разумѣется, не время сводить счеты. Нельзя перекояться, когда у самихъ крыша горить, но въ общественномъ сознаніи нашемъ, во всемъ, что мы видимъ и наблюдаемъ кругомъ, столько серьезнаго,—я бы сказалъ даже суроваго, мрачнаго! Ни увлеченія ни восторженнаго пыла 1876—78 гг. Чувство тяжелаго долга и ежеминутное ожиданіе чего-то, что неизбѣжно должно слѣдовать за его исполненіемъ. Мы во многомъ выросли, постарѣли, разочаровались. Читая писателей пятидесятихъ и сороковыхъ годовъ, мы много схожаго находимъ у нихъ. Русскіе образованные люди передъ Крымской кампаніей думали, предвидѣли, гадали точно такъ же, ихъ только было мало, гораздо меньше, чѣмъ теперь, и потому ихъ „настроенія“ хотя и были замѣтны, но не стихійны, не широки. Теперь они,—какъ сибирскія горы: велики въ горизонтальномъ разрѣзѣ и малы—въ вертикальномъ. Что-то расплывающееся, но громадное, захватывающее большую площадь. Въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ намъ сіяли, отражая яркое солнце будущаго, отдѣльныя вершины. Въ душномъ мракѣ онѣ первыя видѣли зарождающійся день и привѣтствовали его въ своемъ величавомъ одиночествѣ. Внизу еще царила ночь, и пѣтухъ 19-го феврала спокойно спалъ, никого не пробуждая.

VI.

Прошлая война во многихъ отношеніяхъ была гораздо легче, чѣмъ эта. Прежде всего, мы изъ Москвы до Журжева, гдѣ стояли наши передовые отряды наканунѣ перехода черезъ Дунай, ѣхали три-четыре дня. Теперь до Иркутска я добрался на десятый, и столько же ожидаетъ меня, пожалуй, до Мукдена, Ляояна, Портъ-Артура. Ваши

близкіе, дорогіе люди могут переболѣть, умереть, ихъ схоронятъ ранѣе, чѣмъ телеграмма объ этомъ дойдетъ, наконецъ, до васъ. Усталымъ и измученнымъ людямъ въ Болгаріи было достаточно сутокъ, чтобы очутиться въ Букарештѣ, отдохнуть тамъ, оправиться,—теперь съ театра военныхъ дѣйствій хоть три года скачи—никуда не доскачешь. Болгарія стояла передъ нами, какъ полная чаша. Тамъ были большіе и малые города съ теплыми домами, запасы, и, припоминая теперь злословія того времени,—видишь, какъ все это было дешево, доступно, удобно. Нынѣ—обрадуешься манджурской фанзѣ, передъ которою какой-нибудь кыштъ въ Горномъ Студнѣ или Брестовцѣ былъ дворцомъ. Многіе, чтобы подъ проливнями или въ холодѣ не остаться подъ открытымъ небомъ, везутъ изъ Россіи съ собою палатки. Насъ всю дорогу пугаютъ, что въ Манджуріи мы не достанемъ лошадей, тамъ нѣтъ никакихъ запасовъ, и совѣтуютъ брать цѣлые грузы консервовъ съ собою въ послѣднемъ пунктѣ, гдѣ это можно,—въ Иркутскѣ. „Помните, вы будете оторваны отъ всего и надолго, очень надолго“. Насколько въ 1877 году мы были убѣждены, что намъ стоитъ перейти Дунай, увидѣть и побѣдить, настолько теперь выросшее общественное сознаніе предвидитъ войну затяжную, долгую, трудную. Мы уже не живемъ иллюзіями, и съ каждымъ днемъ все меньше и меньше дѣлается тѣхъ, кто еще недавно рисовалъ намъ врага дикимъ и глупымъ, слабымъ и заносчивымъ. Когда я сидѣлъ еще на корпусной скамейкѣ, нашъ учитель тактики говорилъ намъ: тотъ, кто желаетъ побѣдить, долженъ представлять себѣ непріятеля болѣе умнымъ, сильнымъ и подготовленнымъ, чѣмъ онъ самъ. Только такимъ образомъ можно спасти себя отъ разочарованій и неожиданныхъ ударовъ. Исторія глупыхъ евангельскихъ дѣвъ повторяется чаще, чѣмъ мы думаемъ, и онѣ есть вездѣ, къ сожалѣнію.

VII.

Я помню, прошлую зимой, когда войны, какъ страшной дѣйствительности, еще не предвидѣли, мы собрались въ одномъ миломъ обществѣ въ Петербургѣ. Только что возвратившійся съ Дальняго Востока офицеръ генеральнаго штаба передавалъ свои наблюденія надъ Японіей, японской арміей, японскими боевыми средствами и японскимъ военнымъ умомъ. Потомъ въ одной изъ газетъ мы читали то же самое и переданное въ тѣхъ же выраженіяхъ. Очевидно, не удовлетворяясь маленькой аудиторіей, авторъ хотѣлъ подѣлиться своими радужными свѣдѣніями со всей читающей Россіей. Въ прошлую войну мы думали, что намъ довольно одного корпуса, чтобы дойти до Константинополя взять его. Въ эту—общество стало куда зрѣлѣе, освѣдомленнѣе, серьезнѣе. Никто не повѣрилъ, что японцы—врагъ ничего не стоящій, что страна Восходящаго Солнца—накапунѣ гибели и что черезъ два мѣсяца по приходѣ первыхъ нашихъ эшелоновъ въ Манджурію мы растреплемъ японскую армію, какъ старую мочалу. Мы оказались куда недовѣрчивѣе, и дѣтскими сказками насъ уже не увлекали. Врагъ сильный и серьезный, съ операціонною базой за спиною, война трудная, требующая большихъ средствъ и напряженія, и даже въ вагонѣ, гдѣ мы, ѣхавшіе на Дальній Востокъ, собирались вмѣстѣ по пути, розсказни о слабости Японіи не имѣли ни малѣйшаго успѣха. Не было боязни, не было недостатка вѣры въ окончательную побѣду, но не сказывалось и легкомыслія. Старое „шапками закидаемъ“, должно-быть, навсегда отошло въ область наивныхъ преданій. Во-первыхъ, передъ современнымъ огнемъ шапка во все не оружіе, а во-вторыхъ, не такъ уже у насъ много этихъ шапокъ, чтобы ихъ хватило надолго. Квасные шовинисты добраго стараго времени теперь не у дѣлѣ. Они и сами не чувствуютъ почвы подъ ногами. Въ этомъ отношеніи за насъ шапками закидываютъ—благо, это издали дешево и безопасно—наши друзья французы. Генераль